

Наталья Пичугина

**Под сенью эпохи и другие
игры в первом лице**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
ПЗ6

Пичугина Н. П.

Под сенью эпохи и другие игры в первом лице / Пичугина
Н. П.; ред. Пичугина Н. П.; худ. Пичугина Н. П. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 225 с.

ISBN 978-5-532-95687-2

Сборник прозы Натальи Пичугиной «ПОД СЕНЬЮ ЭПОХИ и другие игры в первом лице» предлагает читателю художественное осмысление темы становления последнего советского поколения — молодёжи 70-х годов двадцатого века — до сих пор почти не исследуемой. Роман и рассказы, написанные в разные годы, ведут повествование об эпохе “застоя” — совсем недавней, но пугающе забытой. О детях советской интеллигенции и творческой элиты “шестидесятников”. О взаимоотношении людей того поколения, чья органика — непрерывное самопознание, открытость, чистота взгляда на суть человека и суть вещей. О высоких критериях советского поколения в профессии и искусстве. О его нравственной опоре. И о его скромном месте в сегодняшнем новом российском обществе... но при этом и о его духовной способности стать тем «фоном юности, покрытым дымкой, прожитым полубессознательно», который через годы окажется главным героем в становлении личности сегодняшней молодёжи.

ISBN 978-5-532-95687-2

© Пичугина Н. П., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Под сенью эпохи	5
1. Сомнительно первое лицо	6
2. Первые воспоминания	8
3. Папины друзья	14
4. Баба и деда	18
5. Игра в первом лице	28
6. Причастие	31
7. Соседи	39
8. Коля Рубцов	47
9. Лариса Пастушкова	54
10. «Мастер И Маргарита»	60
11. «Московский комсомолец»	62
12. «Комсомольская правда»	71
13. «Баку, я снова твой»	77
14. Художники	84
15. Переделкино	93
16. Дом литераторов	101
17. Кумиры	106
18. Университет	111
19. Последняя глава	122
У меня есть знакомый ангел	126
Два десять	133
В больнице	145
В такой же тёплый, как летом, вечер	154
Экзамен	159
Тяжёлый день	164

Отъезд	170
Тушино из окна моей любви	186
Последний кон	210

Под сенью эпохи

Драматический анекдот

Моим родителям.

1. Сомнительно первое лицо

Я веду своё повествование от первого лица – самого соблазнительного для читателя, желающего интимных сведений, и самого подозрительного по своей сути изо всех грамматических лиц. «Ты», «они» или «мы» не вызывают таких сомнений, как «я», с которым проводишь всё отпущенное тебе время и имеешь все возможности для его познания. Чем больше познаёшь своё «я», тем больше сомнений пробуждает это знание, которое в итоге оставляет нас в полном недоумении: я или часть меня? я или некто во мне? я или, в конце концов, кто-то?

Я, имеющая тело и к тому же пол, расу, национальность и даже имя, в моменты эмоциональной нестабильности с удивляющей лёгкостью освобождаюсь от них и ощущаю себя никем, ничем и ниоткуда, вне времени и вне пространства, вечным и чуждым покинутому миру, окутанному голубой пеленой и обозреваемому мной с высот нечеловеческих, но неожиданно привычных.

Как объяснить этот удивительный вопрос, заданный пятилетним ребёнком: «Мамочка, правда же, как странно, что я родилась именно в Москве?» Эта мысль посетила детскую головку неожиданно – она просто слетела с неба и поразила воображение, остановив дитя посреди улицы. Необъятность мира окружала меня, и я принадлежала этой необъятности, в которой гулкий и необозримый проспект, по которому мы двигались, терялся, не сравнимый с масштабами Земного шара. Я знала, что могла родиться в любой его точке, и была потрясена этим открытием.

Но мамин ответ потряс меня не меньше.

– Не могла бы, – сказала мама, – потому что мы, твои родители, живём в Москве.

Она не разделяла очевидности того, что знала я, и это было ещё более невероятно, чем факт моего появления в маленьком городе Москва среди таких же маленьких и бесчисленных городов, мерцающих, как звёзды, в тумане глобуса, куда мне надлежало спуститься.

Идея выбора душой своих родителей стала мне известна только недавно. Ещё более удивительна избирательность памяти, которая пронесла это, казалось бы, ненужное воспоминание до недавнего дня.

Осознающая собственное существование, помнящая своё детство и вчерашний день, я далеко не уверена в однозначности своего «я». Мне так же просто назвать себя «она» вместо «я». Мне так же легко устраниться, произнося «я», и ускользнуть от ответственности. Истина не принадлежит человеку – кто может поручиться, что «я» обозначает меня, пишущую эти строки?

Я, чувствующая человеческое знание как нечто единое и неделимое на враждебные составляющие, принимаю как дополняющие друг друга точные науки и религии, гуманитарные и оккультные, медицину и шаманство, технические достижения и магию, спорт и искусство, чувственность и монашество, идею и её отсутствие. Неизвестно, сколь велика утерянная со времён зари человечества часть этого знания, но именно она, подозреваю, не даёт мне с уверенностью определить границы моего «я», как я определяю свой кошелек или очки.

С высоты зрелого возраста совсем не удивляет древний совет философа познать самого себя, равно как и писательский интерес к истории своего «я», так мало принадлежащего нам, по сути чужого, загадочного, непредсказуемого и неопределимого, явно множественного и, что парадоксальнее всего, ощущаемого вне нас. Иначе откуда это настойчивое ощущение, что «я» – не я, а некто, ведущий моё телесное «я» по жизни и заставляющий исполнять своё предназначение?

При такой расстановке сил себе принадлежишь в последнюю очередь.

Этим размышлением и позволю себе начать повествование. Думаю, что я достаточно смутила доверие читателей, чтобы, допустив его к своему «я», чувствовать себя в безопасности.

2. Первые воспоминания

Есть определённая мистика в ранних воспоминаниях. Как если бы происходящее фиксировал оптический глазок высшего разума, заключённый в ещё неразумном младенце.

Помню, что лежу в коляске, укутанная на прогулку, и мама спускает коляску по лестнице, с трудом проводит её через двойные двери парадного на выход, какой-то мужчина нам помогает. Запахи старого жилья, облупленная крашеная дверь парадного, у широких ступень серого камня щербины. Коляска наклоняется, и я наклоняюсь вниз головой – неприятная тяжесть в голове, но ненадолго, – переезжаем порожек, – и я глотаю холодный воздух. И сразу начинаю засыпать: неодолимо закрываются глаза, шумит в голове, на второй, третий холодный вздох я уже сплю.

Позже так я засыпала при наркозе.

Я стою в детской кроватке с сеткой. В комнате никого нет, белая дверь закрыта и кто-то вставляет с обратной стороны ключ. Я знаю, какой ключ – он большой, с головкой и зубчиками. Я перелезаю через сетку кроватки и вижу, как входит мама. Она бежит ко мне – с протянутыми руками, чёрные кудри развеваются, платье летит, – и подхватывает меня у самого пола.

Оказывается, я падала.

Помню вкус тающих в горячем молоке кусочков сахара с размоченным белым хлебом. Мама кормила меня. Сахар таял в горячем молоке, и она долбила кусочки сахара ложечкой в блюдце. Молоко имело кипячённый вкус. Мякиш белого хлеба размокал быстрей. Помню вкус этой тюри – сахара, молока и хлеба вместе. В 50-х годах так кормить могли только грудного ребёнка.

Теперь понимаю, что эта еда была отголоском военного и послевоенного голода, на котором выросла моя мама, – его антитезой, и мне хочется плакать. «Плач о всея Руси», – называет это мой муж,

не раз наблюдая, как я угрюмо развожу слёзы по лицу перед телевизором, где показывают пожар «Белого дома», войну в Чечне или исторические кадры о бесславном прошлом моей великой на весь мир Родины.

В то время нашу семью посетил Иван Семёнович Козловский. По семейному преданию, он взял меня на руки и я его опрудила. Я этого не помню. Но, странным образом, я смутно помню движение в коридоре, потому что пришёл новый чужой человек и в столовой он громко говорит с дедой и бабой, я видела это из коридора в проём двери в столовую. Кто-то из родителей держит меня на руках и спорит, нести ли меня в столовую, затем несут. В столовой меня передают из рук в руки.

Помню, мама играла со мной, а потом отвлеклась и стала разговаривать с папой. Я заскучала и, протянув к ним руки, стала подражать их речи, чтобы они приняли меня в разговор. Они сильно изумились, но мама догадалась сразу (она всегда быстро и правильно догадывалась, чего я хочу, и это ощущение понимания осталось в памяти очень ясно) – она смеялась и говорила папе и мне:

– Она разговаривает! Ты ведь разговариваешь, правда?

Я в то время не умела говорить, но понимала и на мамин вопрос несколько раз утвердительно кивнула.

Мама всегда хорошо понимала меня. Всю жизнь, пока я не стала взрослой.

В два года я уже говорила очень хорошо, как ребёнок из интеллигентной семьи. Произносила все звуки и имела хорошую дикцию, так что маме становилось неудобно в общественном транспорте.

В том же троллейбусе, уже научившись читать, я прочитала из окна на ходу троллейбуса вывеску: «Стро-че-вы-ши-ты-е из-де-лия»... Строчевышитые, мама, что это такое?» Мне было года четыре-пять. В этом возрасте я уже помнила всё подряд и имею связное представление о нашей жизни.

Моя тётя начала говорить на удивление рано. У бабы в дневнике записан случай, когда с восьмимесячной тётей на руках она подошла к окну и тётя сказала: «Опять идёт дождь».

Ира держит меня на коленях. Я знаю, что она моя тётя, младшая сестра папы и дочка бабы с дедой. Мы играем. Я умею говорить только "да" и "нет", но понимаю многое, и хотя не знаю некоторых слов, но догадываюсь.

– Детонька солнышко, – говорит тётя, и я внимательно прислушиваюсь к её ласковым интонациям. – Детонька цветочек. – Я благосклонно молчу. И вдруг:

– Детонька... дикобраз!

– Нет! – быстро отвечаю я. В этом заключается суть игры. Тётя в восторге, какая я умная девочка.

– Ну что это за издевательство над ребёнком! – сердится баба.

– Мы играем! – протестующе смеётся Ира. Помню её своеобразный смех, она сохранила его до сих пор. Эта деталь – когда тётя смеётся – всякий раз уводит меня в глубокое детство, к моему началу.

Я просыпаюсь рано утром, в окно светит солнце, но родители ещё спят. Видимо, я уже хорошо хожу, потому что кроватку переставили к окну и сняли с неё сетку. Мне холодно, я вся окоченела, – я спрыгиваю с кроватки и перебираюсь к родителям под одеяло, устраиваясь между ними, ставлю ледяные ноги маме на горячее тело, – мама вскрикивает спросонок от холода, бормочет что-то о ногах-ледышках, папа только разворачивается, оба затихают, – и я постепенно согреваюсь.

Помню большую, как зал, комнату, целиком застеленную красным узорным ковром. Я прыгаю лягушкой по периметру ковра под музыку – папа играет на пианино в углу комнаты, – во рту у меня черешня, языком я осторожно отделяю косточку и храню её за щекой. Я уже говорю, потому что объясняю маме, что я лягушка. Она сидит на кровати в противоположном от пианино углу с тарелкой черешни в руках.